ВЛАДИМИРЪ ЭЛЬСНЕРЪ

ПУРПУРЪ КИѲЕРЫ

ЭРОТИКА.

Фронтиспись Н. Миліоти.
Иллюстраціи М. Сарьяна и Г. Якулова.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛЬЦІОНА».
Москва. 1913.

ВЛАДИМИРЪ ЭЛЬСНЕРЪ

ПУРПУРЪ КИѲЕРЫ

ЭРОТИКА.

Фронтиспись Н. Миліоти.
Иллюстраціи М. Сарьяна и Г. Якулова.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛЬЦІОНА».
Москва. 1913.

Тип. Скоропечатни А. А. Левенсонъ
Москва, Трехпрудный пер.
1913.

ПУРПУРЪ КИѲЕРЫ.

КИѲЕРА.

Твоимъ священнымъ свѣтлымъ берегамъ
Дарило море пурпуръ потаенный
Багрянокъ. Въ пѣнныхъ волнахъ—тамъ
Играли свадьбы нимфы и тритоны...
И съ утренней звѣздой, на берегъ сонный
Взошла повелѣвавшая богамъ.

*

Свѣтлокудрая, полунагая,
Полускрытая тканью сквозной,
Ты откинулась, вѣки смыкая,
Въ опьянѣньи своей бѣлизной.

Шелестъ шелка, вкрадчиво тихiй,
Уловила едва тишина.
И призывно вся ты въ триптихѣ
Наклонилась съ прозрачнаго дна.

Нами властвуетъ богъ пятистрѣлый—
Будь же милостивъ къ вѣрнымъ, Эротъ!—
И ты близишь жемчужное тѣло,
Прiоткрывъ холодѣющiй ротъ.

*

Прощаясь, въ перчаткахъ и шляпкѣ,
Моею была еще разъ.
Боа разомкнулись лапки;
На груди я измялъ ей газъ.

У вѣкъ ея выросли тѣни,
Бѣлковъ посинѣла эмаль.
Вотъ вышла въ туманъ осеннiй,
Опустила спѣша вуаль—

Внизу ты, какъ кукла-игрушка.
Не слышно далекихъ шаговъ,
Чуть вѣетъ ко мнѣ съ подушки
Ароматомъ твоихъ духовъ.

*

Весенній лѣсъ ласкалъ вечернею прохладой,
Смѣнялись сумерки ночною синевою,
Въ невѣрной полутьмѣ казалась ты дріадой,
Твои слова—шумящею листвою.

Сплеталась тѣнь твоя съ цвѣтущими кустами,
Отъ близости твоей я былъ мятежно хмеленъ.
Мы пали на траву со слитыми устами
И остро пахла раненая зелень.

Одежда легкая съ покатыхъ плечъ упала,
Туманнымъ озеромъ, клубясь, росла поляна
И въ блескѣ луннаго, холоднаго опала
Ты замерла, зовя Ночного Пана.

*

Мы въ гротѣ мертвыхъ давнихъ сновидѣній.
Сердца сковала намъ холодная дремота.
Нѣмыя, зоркія, безчисленныя тѣни
Хранятъ нашъ сонъ въ глухихъ глубинахъ
грота.
Прозрачной пряжей зыблются туманы;
Надъ нами звѣздами камней стоцвѣтныхъ
глыбы
И въ темномъ озерѣ загадочны и странны
Слѣпыя, въ жемчугахъ, большія рыбы.

Затоны водъ—свинцовые потоки
Поютъ, какъ лира мертваго Орфея.
И не любя, безтрепетно жестокій,
Томящей силой съ вами жутко слитый,
Лобзанья пью, безстрастно пламенѣя,
Какъ сталагмитъ лобзанья сталактита.

СТАРЫЙ ЗМѢЙ.

Я златогрудый змѣй, послѣднiй богъ развалинъ
Святилища далекой старины,
Куда на водопой изъ джунглей и прогалинъ,
Идутъ къ закату тигры и слоны.

Меня поили теплой кровью голыхъ
Невинныхъ дѣвъ двѣнадцатой весны—
И гулко били въ гонгъ, сжигая смолы,
Пьянѣя, я плясалъ и видѣлъ сны.

Мой храмъ сожгли враги; въ побѣдномъ хмелѣ
Сѣдыхъ жрецовъ распявши на вратахъ,
Я скрылся ходами прохладныхъ подземелiй
И долго, долго тлѣлъ глубокiй прахъ.

Но смерть насытилась... Меня она забыла.
Ночами лунными тревожу глушь лiанъ
И съ голоду ловлю, пока мнѣ служитъ сила,
Неосторожныхъ птицъ и сонныхъ обезьянъ.

НАСИЛЬНИКЪ.

Подстерегъ я... Купалась она безъ подругъ
въ камышахъ,
Собирала купавы, тянулась нагимъ, розовѣющимъ станомъ.
Камыши и рѣка заглушили мой медленный шагъ
И на берегъ добылъ я ее, захлестнувши послушнымъ арканомъ.

Въ помутнѣвшихъ глазахъ со стыдомъ сочетался безумный испугъ;
Поцѣлуевъ и ласкъ ты упрямо дарить не
хотѣла—
Отдала жгучій холодъ уже замиравшаго тѣла,
И безвольную, вялую дрожь цѣпенѣющихъ,
никнущихъ рукъ.

А теперь, на коня!—и къ далекому вражьему
стану.
Слѣдъ копытъ замететъ подорожная зыбкая
пыль,
И пусть вѣтеръ, какъ пёсъ, мнѣ залижетъ
томящую рану
И, какъ старый вѣдунъ, безпокойную быль
пусть зашепчетъ высокій ковыль.

ЧАРЫ.

Въ баронской спальнѣ древнею семьею
У стѣнъ висятъ мечи и ратныя кольчуги,
И по утрамъ заботливые слуги
Ихъ обметаютъ; но когда змѣею

Вползаетъ полночь въ залъ, кольчугамъ и стилетамъ
Больнѣе ржавчины огни и ароматы,
И тѣни голыхъ женъ владыки маіората.
Трепещутъ по стѣнѣ, на лезвія воздѣты.

И мстятъ мечи, и богъ герба надменный,
Вспоившій тѣ клинки невѣдомымъ анчаромъ;
Уходятъ тѣни, злымъ покорны чарамъ,
И сгинутъ имъ пришедшія на смѣну.

МЕСТЬ.

Упрямая! Сказать мнѣ, измѣняла съ кѣмъ ты,
Не захотѣла. Павильонъ цвѣтовъ,
Гдѣ сарраценіи, змѣиныя непенты
И кутры хищныя, тебя принять готовъ.

Цвѣты—вампиры вытянутся сонно,
Обвивъ принцессу сѣтью влажныхъ путъ,
И въ лабиринтъ любви безгласный и бездонный
Нагую плѣнницу, впивая, повлекутъ.

Отъ ласкъ неистовыхъ, ея не станетъ къ утру,
Отпрянутъ въ пустоту нѣмые палачи,
И только ярче заалѣютъ кутры,
Когда прольются первые лучи.

Дагерротипы.

Насъ трое: я и два дагерротипа въ овальныхъ рамахъ. Два милыхъ лика съ губами, тронутыми поблѣднѣвшимъ карминомъ; они висятъ надъ широкой кроватью изъ темнаго рѣзного дуба и тутъ же старинный шкафъ съ перламутровымъ мозаичнымъ амуромъ, зажигающимъ факелъ.

Если открыть дверцы, кто-то неуловимо, беззвучно молвитъ: «Помни!» И въ лицо пахнетъ ароматомъ ея подвѣнечнаго платья, оно долго здѣсь висѣло. Вечерами, я прихожу въ спальню и живу вашимъ, ставшимъ моимъ неумирающимъ счастьемъ.

На туалетѣ у зеркала, въ позеленѣвшихъ шандалахъ загораются двѣ палевыя розы на голубыхъ стебляхъ и вы оживаете, милые образы, потому что я отдаюсь вамъ...

(Ласки музы грубѣе). И пока бьется сердце, я буду пьянъ вашими восторгами, слѣпые пылкіе любовники, я третій, съ которымъ вы дѣлитесь страстью.

ПОРТРЕТЪ.

Ты отдалась на дѣдовскомъ диванѣ,
И нѣжныя духи и запахъ старой кожи
Смѣшались; послѣ стала ты жеманнѣй
И словно то не ты стонала въ сладкой дрожи.

Послѣдній поцѣлуй былъ каплей горькой пѣны;
Похолодѣвъ, услыша крикъ пѣтушій,
Незримая ушла, беззвучно, словно въ стѣны.
И стала ночь еще забвеннѣй, глуше.

Въ окнѣ разсвѣтъ качнулъ сѣдыя перья.
Далекій колоколъ проплакалъ на погостѣ...
И все яснѣй, надъ нераскрытой дверью,
Съ усмѣшкой щурилась полуночная гостья.

INTÉRIEUR.

Стеклянные цвѣты—граненые флаконы,
Какъ сонныя цвѣты, льютъ зыбкій ароматъ.
И свѣчи въ тюль тугой, зеленовато-сонный,
Зеркальнаго стекла златую пыль стремятъ.

Какъ смутно сближенъ дискъ помады тускло-
алой
Съ опалами ея отточенныхъ ногтей—
И ножницъ тонкое изогнутое жало,
Вплетенное въ огни браслетовъ у кистей.

И вотъ, мнѣ кажется, что вовсе не жива ты:
(Упрямо-кукольный такъ неподвиженъ взоръ),
И такъ спокоенъ рукъ и плечъ холодноватыхъ
Прозрачно-розовый, мерцающій фарфоръ.

СТЕПНАЯ АСТАРТА.

На древнемъ курганѣ, за балкой широкой,
Гдѣ зыблется золотомъ валкая рожь,
Стоишь ты и смотришь въ предѣлы востока
И словно кого-то любимаго ждешь.

Степная Астарта съ неявственнымъ ликомъ,
Съ застывшимъ признаньемъ на стертыхъ губахъ,
Тебя только воронъ привѣтствуетъ крикомъ,
Взметая крылами не жертвенный прахъ.

Тебя довелось мнѣ увидѣть впервые
При молніи... Степи за нами зажгло,
Едва лишь успѣлъ я цвѣты полевые
Сорвать и украсить богини чело.

То было давно; между нами просторы,
Любовница, книги, другія мечты,—
Но въ памяти ярки недвижные взоры
И обликъ звѣриной твоей красоты.

НАДПИСЬ НА КАМНѢ.

Прислужница святилища Кибелы,
Кормившая священныхъ голубей,
Она была нѣжнѣй кувшинки бѣлой,
Ея глаза сапфировъ голубѣй.

Я былъ солдатомъ, братъ—матросомъ на три-
ремѣ;
Сердца намъ ранила одной любви стрѣла
И нашей страсти пламенное бремя—
Обѣту вѣрная, покорно приняла.

Ко мнѣ въ дыму отъ жертвенныхъ кажденій
Склонилъ безвольно братъ суровое лицо—
И наши три изогнутыя тѣни
Слились въ единое священное кольцо.

КОЛДУНЬЯ.

Кто первый мной владѣлъ, уже не помнитъ
сердце...
Мнѣ было кажется тринадцать лѣтъ,
Когда попала я за пригоршню сестерцій
Въ притонъ; быльемъ заросъ и этотъ жгучій
слѣдъ.

Любви постылой шрамъ храню еще доселѣ.
Другого имя выжгла я иглой.
Нужду и золото, печали и веселье,
Какъ воду и вино, мѣшалъ мой геній злой.

Я коротаю дни старушечьи въ лачугѣ.
Теперь мой хлѣбъ—секреты вѣдовства.
Мои помощницы и вѣрныя подруги—
Ручная рысь и старая сова.

Матроны, юноши приходятъ, словно воры:
Лепечутъ, вопіютъ, кому кто милъ...
И старики дрожатъ, платя за наговоры
Вернуть имъ силы и любовный пылъ.

Меня боятся всѣ... Ряба я и горбата.
О Venus calva! мнѣ помочь ты не могла бъ!
Утѣхъ любви не дастъ мнѣ и за плату
Послѣдній плакальщикъ, или бѣжавшій рабъ.

Лишь какъ-то разъ, когда я ртомъ беззубымъ
Невѣрно молвила волшебныя слова—
Была осквернена лемуромъ острогубымъ
И послѣ мерзкихъ ласкъ очнулась чуть жива.

ВЕСТАЛКА.

Въ саду у Цезаря (полудни огневые
Такъ знойны) я сошла въ прозрачный водоемъ:
Заморскій лебедь со змѣиной выей
Какъ зоркій, черный стражъ одинъ скользилъ
по немъ.

Довѣрчиво приплылъ, ко мнѣ ласкался бурно,
Взметая воду остріями крылъ.
И жадно клювъ его холодный и пурпурный
Съ моей груди и лона влагу пилъ.

Богиня пощади! Неотвратимый демонъ,
Едва надъ храмомъ ночь, приходитъ въ тишинѣ.
Сильнѣй молитвъ, сильнѣй твоихъ эмблемъ
онъ
И мной, обманутой, владѣетъ въ тяжкомъ снѣ.

Богиня пощади... Не обручай съ тѣнями,
Но ты судишь могилу или ядъ,
Неумолимая, и таютъ дни за днями
И дышитъ явственнѣй зачатый мною гадъ.

ЗЕРКАЛО ВЕНЕРЫ.

Когда Эротъ въ брачную ночь пронзилъ меня своею жгучею стрѣлою, какъ я ни крѣпилась, но въ тотъ мигъ, при мужнемъ поцѣлуѣ, скривила губы.

Это было...

Потомъ стрѣлы бога стали безобидны, даже прїятны. Мой супругъ, по обязанностямъ службы, иногда отлучался, этого было достаточно, чтобы успѣть измѣнить ему. Мой любовникъ... не важно каковъ онъ; важно, что у меня по счету онъ первый. Онъ подарилъ мнѣ книгу, которая называется «Зеркало Венеры». Въ ней грубо и скупо изображены любовныя опьяненья. Наединѣ, я закрывала раскрашенныя страницы, и въ овалѣ нарисованнаго на заглавномъ листѣ зеркала, слѣдила возникавшїе въ бѣловато-розовомъ туманѣ невѣдомые, несчетные облики соблазновъ.

И мнѣ захотѣлось быть куртизанкой, чтобы испытать все, что таило зеркало. Но каждая новая встрѣча только маленькїй кусокъ мозаики, воплощающїй видѣнїя зеркала.

Я жестоко наказана за то, что слишкомъ много смотрѣла въ зеркало богини, ибо всегда въ него глядѣться смѣютъ только безсмертные.

НАРЦИСЪ.

Тебя замѣтилъ я, впервые, чаровникъ,
Когда уставъ отъ лова, въ часъ закатный
Къ струямъ Кефиса жадно я приникъ...
И ощутилъ твой поцѣлуй невнятный.

Крылато-легкій богъ съ тѣхъ поръ вездѣ со
мной:
Въ сверкающей листвѣ, тростинкѣ гибкой,
На гладкихъ камняхъ, въ каплѣ росяной—
Является съ безмолвною улыбкой.

Въ уединеніи ревнивомъ я живу,
Съ тобой дѣля любовное томленье,
И ты одинъ во снѣ и на яву.
Даришь мечтамъ и тѣлу утоленье.

АНДРОГИНЪ.

Едва неяснаго напѣва
Зарѣютъ крылья въ полумглѣ,
Ты возникаешь отрокъ-дѣва,
Съ жемчужной нитью на челѣ.

Тревожно смутенъ очеркъ зыбкій,
Необычайной наготы—
Неуловимою улыбкой
Отмѣчены твои черты...

И міръ не озаритъ во вѣки
Плѣнительнѣе красота,
Чѣмъ эти дрогнувшія вѣки
И страсть познавшія уста.

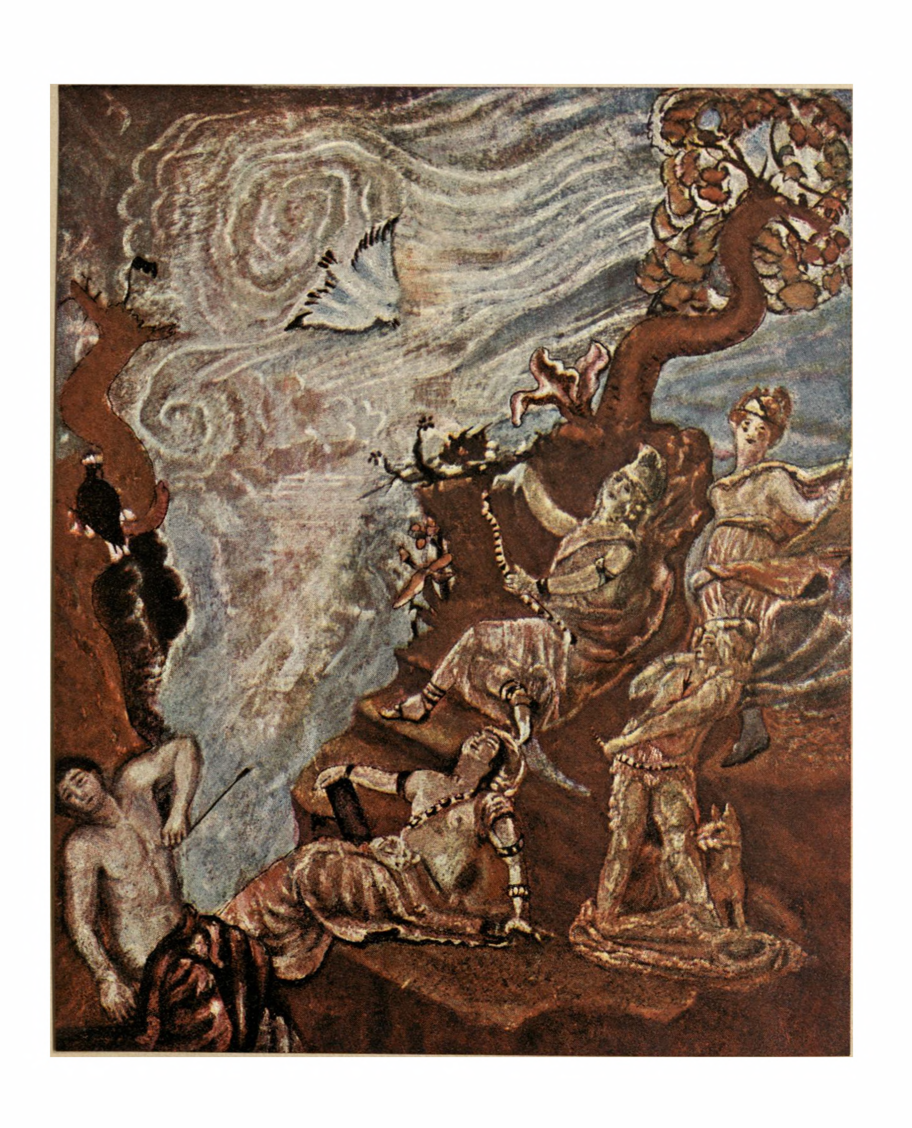
ЦАРИЦА АМАЗОНОКЪ.

Мы привязали къ оливѣ красавца виѳинца,
Славя напѣвами павшихъ въ битвѣ подругъ;
Былъ, мы слыхали, онъ другомъ убитаго
принца,
Сестры, на другѣ красавцѣ испробуемъ лукъ.

Дѣвъ одногрудыхъ звенятъ боевые колчаны,
Звонко поетъ за стрѣлой, вонзаясь, стрѣла.
Алыми звѣздами вспыхнули плѣнника раны
Красной тяжелой росой трава зацвѣла.

Эросъ, палачъ, о теперь лишь тебя я узнала:
Губы мучительной, темной жаждой сожгло.
Бедра нестойкія, въ тягость вамъ ленъ по-
крывала;
Никнетъ, подъ шлемомъ привычнымъ, долу
чело.

Ждутъ амазонки царевну. — О лукъ мой, не
медли!
Будетъ виѳинецъ стрѣлою въ сердце прон-
зенъ,
Съ гаснущимъ вздохомъ его пусть сольется
послѣдній
Страсти моей утоленной медленный стонъ.

КАЛИДОНСКАЯ ОХОТА.

Качались и бились зеленокрылья вѣтки;
Лѣснымъ, росистымъ, обрывистымъ склономъ
Скакало звѣрье, испуганное гономъ,
Трепеталъ змѣею лукъ мой мѣткій.

Задыхались псы отъ погони и лая.
Эротъ хлесталъ насъ безумными крылами.
На бѣгу мы касались другъ друга тѣлами—
Мелеагра сама, не стыдясь, обняла я.

Солнце кидало упрямый лучъ, слѣпящій
Мнѣ въ очи. Все ближе завывали своры.
Мы все еще длили нашъ пиръ нескорый,
Когда опѣненный вепрь ринулся изъ чащи.

Луговина дрогнула отъ хриплаго гула,
Но взглядъ Мелеагра, только страсти вѣря,
Лишь меня искалъ; и его стрѣлу въ звѣря
Рукой неостывшей, я, спѣша метнула.

ЛѢСНОЙ ЗАВИСТНИКЪ.

Покинувъ вечеромъ родную сѣнь лѣсовъ,
(Хотѣлось мнѣ похитить винограда)
Я перелѣзъ садовую ограду,
Внимая шорохамъ и лаю дальнихъ псовъ.

Пріапа, мшистая, чернѣла голова,
На камнѣ около лежали двѣ гранаты—
Я руку протянулъ и замеръ страхомъ сжатый,
Въ кустахъ услыша шумъ и тихія слова.

Но черезъ мигъ я зналъ, что дѣлали плуты...
И мучила безсильная досада,
И не хотѣлось больше винограда:
Бездѣльникъ тотъ вкушалъ сладчайшіе плоды.

ЛЮБОВЬ.

Сложивъ по-дѣтски круглыя колѣни,
Ты глубоко зарылась въ одѣяло,
И надъ тобою сонъ колышетъ опахало,
Уставшая отъ ласкъ и вожделѣній.

Бѣлѣютъ змѣйка пудры и окурки...
Въ кривомъ шкафу густая тьма, какъ порохъ,
И по столу желтѣютъ на приборахъ
Колбасныя разорванныя шкурки.

Румянецъ утренній струится у карниза...
Спѣша, сейчасъ уйдешь, храня впервые
Объятій долгихъ знаки огневые...
Венера, такъ любила ль ты Анхиза!?

ПОДРУГИ.

Я въ гости шла украдкою подъ вечеръ.
Къ тебѣ влекло меня давно, еще ребенкомъ,
И нѣга странная въ твоей таилась рѣчи,
Въ большихъ глазахъ и голосѣ негромкомъ.

Гортензіи и нѣжный амарилисъ
Стояли въ окнахъ. Низенькимъ экраномъ
Заставленъ былъ диванъ и, въ хрусталѣ трех-
гранномъ,
У зеркала двѣ лиліи томились.

Ты примѣряла мнѣ свои наряды,
Тревожа смутно грудь нечаяннымъ касаньемъ...
Потомъ просила ласковой награды
Какимъ-то жалящимъ, невѣдомымъ лобзаньемъ.

Изнемогающей, уже полураздѣтой,
Косу мнѣ расплела: я ею скрыла взоры.
И заглушая робкіе укоры,
Смѣясь, насильно, въ ротъ совала мнѣ кон-
феты.

КУПАЛЬЩИЦА.

У заводи, гдѣ глубь воды хрустальнѣй,
И съ именемъ твоимъ на берегу скамейка,
Нагая вышла ты изъ выцвѣтшей купальни:
Надъ золотымъ пескомъ коралловая змѣйка.

Изъ влаги голубой, влюбленная, другая,
Быть можетъ тѣнь твоя, а можетъ быть
наяда;
Едва туманя дно, блестящихъ рыбъ пугая,
Тебя манила къ сладостнымъ отрадамъ.

Склонясь, ты ринулась стремительно и бурно
Въ объятья къ ней, молившей пылкой встрѣчи,
И, тѣсно слитыя надъ влагою лазурной,
Качались пѣнныя и розовыя плечи.

*

Ваша вуаль задѣвала бедра чудовищъ.
Мы долго бродили развалинами храма.
Любовь, и здѣсь ты ласкаешь и ловишь,
Словно всемогущій, многорукій Брама.

Ваша вуаль плясала по вѣтру, какъ танцов-
щица,
И вѣтеръ упорно обнималъ ваши ноги,
Нефритовая полу-дѣва, полу-львица
Меня къ вамъ ревновала, васъ—драконъ пяти-
рогій.

Вы вздрогнули и сказали—дайте руку,
И еще шептали: обо мнѣ плохо думать не
будешь...
Уже любовниками мы вышли на излуку
Террасы, мимо томныхъ чудищъ.

ЛУКРЕЦІЯ БОРДЖІА.

Лукреція, лучи жестокой вашей славы,
Какъ алый отблескъ дальняго пожара,
Еще хранитъ умолкшая Ферара.
Вы всѣхъ искуснѣе готовили отравы,

Цѣнили тонко шелкъ и ароматы —
И съ той же ясною улыбкою, безчинно
Мѣняли, можетъ быть, во время мессы длинной
Объятія отца на ласки брата.

Молва гласитъ: никто не могъ быть вѣроломнѣй...
Но все же Аріостъ поетъ о васъ донынѣ;
Поэта Бембо вы любили, герцогиня,
Прекраснѣй были всѣхъ... я только это помню.

ІЕЗАВЕЛЬ.

Твою могилу заплели волчцы,
Но ты жива въ мечтахъ, Іезавель.
Призывны червлененные сосцы,
Чаруетъ имя нѣжно, какъ свирѣль.

Ты щедро сѣяла и кровь, и страсть.
Кичился красотою царскій садъ,
Плодился Навуѳеевъ виноградъ—
И дерзко отъ всего ты ѣла всласть.

Но воздаятель и творецъ свѣтилъ
Твой тайный жребій бросилъ на вѣсы.
И вотъ за кровь онъ грозно кровь судилъ,
А нѣжной груди да вкушаютъ псы.

ПАЗИФАЯ.

Минось, ты крѣпко спишь, супругъ мой дряхлый...
Всегда одна встрѣчаю я разсвѣтъ;
О боги, въ царскихъ, немощныхъ устахъ ли
Искать любви благоуханный цвѣтъ.

Мечта моя о столькомъ тосковала
Въ безмолвіи безрадостныхъ ночей,
Что страсти смертнаго ей слишкомъ мало.
Нести тріэру въ силахъ ли ручей?

Мнѣ равныхъ нѣтъ! Разубрана по-царски,
Въ лугахъ, на ложѣ травъ и тростника—
Я васъ постигну, дерзостныя ласки
Морского Посейдонова быка.

ДАНАЯ.

О какъ предчувствіемъ съ утра хмелѣло
сердце!
Въ поляхъ знакомый путь былъ необычно
дологъ,
Двѣ тучи, словно длани Громовержца,
Минуя солнце, стлали темный пологъ

По небу ясному, весенне голубому.
Внезапный дикій вихрь сорвалъ мои одежды;
Я пала ницъ, глухому внемля грому,
Отъ страха и стыда сомкнувши вѣжды.

И молніи и тьма въ слѣпительномъ потокѣ
Меня влекли...' Клубясь, какъ золотая пѣна,
Низвергся дождь... и богъ голубокій,
Припавъ къ устамъ, томилъ мои колѣна.

ПРОЩАНЬЕ.

(Комната царевны.)

Вотъ наконецъ ты мой. Прозрачнѣй мурры
Твое лицо, а кровь на желтомъ блюдѣ
Какъ альмандины. Волосы твои,
Такіе длинные, сплету съ моими—
И наши губы вровень будутъ... ты
Любовникъ мой! Еще не сыты груди,
И запахъ крови сладострастно мучитъ.
Ты не хотѣлъ смотрѣть, какъ я плясала,
Упрямый... ну, гляди, тебѣ спляшу
Я много лучше, чѣмъ царю. Гляди-же...

(Пляшетъ).

Ахъ, въ ласкахъ я была бъ еще искуснѣй!
Рѣсницы у тебя какъ шелкъ, а зубы
Холодные. (Коварный холодъ, льющій
Безуміе въ лобзанія). Какимъ
Бы ты краснорѣчивымъ былъ любовникомъ,
Пророкъ, поправшій красоту земную,
Даривщій черни пылкія слова.
Меня ты презиралъ... Прими же мщенье,
И сохрани мой образъ навсегда!
(Быстро опускаетъ мертвецу вѣки и ладонями крѣпко прижимаетъ ихъ.)
Голосъ раба: «Тебя зоветъ царица!»

ВѢДЬМА.

Меня судили въ Нюренбергѣ:
Всю ночь пытали до утра,
Потомъ палачъ мнѣ вырвалъ серьги
И приготовилъ для костра.

Безкосая, въ худой рубахѣ,
Прикована я у столба.
Кругомъ солдаты и монахи,
Нетерпѣливая толпа.

Свиститъ огонь. Поютъ. На площадь
Слетаетъ похоронный звонъ.
Палящій вѣтеръ чуть полощетъ
У ногъ моихъ парчу знаменъ.

Въ багряномъ знοѣ таютъ путы,
Благоухаетъ синій нардъ.
Незримый всѣмъ, со мной въ дыму ты,
Женихъ желанный, Леонардъ.

ШКАФЪ АНТИКВАРІЯ.

Въ тысячелѣтнемъ снѣ вы стали близки:
Діана строгая и пламенный Нергалъ,
Позеленѣвшей бронзовой паническѣ
Фарфоровый маркизъ читаетъ мадригалъ.

У мраморной застѣнчивой камены
Зажглась румянцемъ бѣлизна ланитъ,
Къ ея плечу склонился Марсъ надменный,
Два сфинкса ластятся къ нагой Лилитъ.

Любовь надъ вами стелетъ пологъ цѣпкій
И длится оргія, какъ въ нѣкій годъ чумы,
Затѣмъ, что живы призраки и слѣпки
Безвременно ушедшихъ въ лоно тьмы.

ДЕМОНЪ СТРАСТИ.

Зола розовѣла еще въ каминѣ.
Зыблясь надъ ней, какъ выгнутый клинокъ,
Послѣднiй огонь лиловато-синiй,
Таялъ у стройныхъ маленькихъ ногъ.

Откинула въ кресло глубоко станъ ты,
(Сумракъ фатой его облёкъ).
На бедрахъ нагихъ трепетали банты,—
Каждый какъ пышный темный цвѣтокъ.

Едва означались въ сѣтяхъ атласно-
Черныхъ овалы нѣжныхъ колѣнъ,
И комнаты глубь возникала неясно,
Словно старинный тусклый гобеленъ.

И тѣни тѣснѣе сплетали корни,
Ширя межъ нами темный предѣлъ…
И демонъ, соперникъ всегда необорный,
Первымъ тобою жадно владѣлъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Фронтисписъ работы Н. Миліоти.

Иллюстраціи къ стихотвореніямъ

„Старый змѣй“ и „Царица амазонокъ“—Г. Якулова,

къ стихотвореніямъ „Степная Астарта“ и „Пазифая“— М. Сарьяна.

КНИГИ ВЛАДИМИРА ЭЛЬСНЕРА.

Выборъ Париса. Книга стиховъ, Издательство «Альціона». М. 1913.

Пурпуръ Киѳеры. Эротика. Издательство «Альціона». М. 1913.

Современные нѣмецкіе лирики. Антологія. Издательство К. Ф. Некрасова. М. 1913.